

М. С. КОРЕЛИН

Научные произведения Боккаччо

Между многочисленными сочинениями Боккаччо значительное место занимают его труды, написанные на латинском языке. Самый обширный из них по объему и самый важный по содержанию — это трактат «*О генеалогии языческих богов*» Боккаччо, придававший этому трактату особое значение, предпринял его по заказу Гуго Лузиньяна, короля Иерусалима и Кипра, но выпустил его в свет только после смерти этого мецената, да и то без окончательной отделки*. В предисловии к Генеалогии, написанном в форме разговора автора с Доннино да Парма, который передал ему королевское поручение, Боккаччо излагает свою задачу и указывает трудности ее исполнения. Гуго желает изложения преданий о происхождении богов и героев и объяснения аллегорического смысла этих рассказов. Боккаччо рекомендует для этого Петрарку, потому что материал очень обширен и трудно собрать нужную для этого литературу, но в конце концов согласился исполнить волю короля и написал большой том, разделенный на 15 книг.

Боккаччо понимает свою задачу двояким образом: во-первых, собрать сведения о богах и, во-вторых, объяснить смысл относящихся сюда преданий. «Имена и поколения богов и их потомков блуждают в мире (*vagantur per orbem*), рассеянные здесь

* Сочинение было написано вполне между 1350 и 1359 годом; Боккаччо говорит в предисловии: *cujus (Petrarcae) jam diu ago adjutor sum**1; их знакомство относится к 1350 году, а через 9 лет умер Гуго, до смерти которого, как видно из предисловия, было написано все сочинение, но без окончательной редакции, как это говорит сам Боккаччо в письме к Pietro di Montefiore от 1373 г. Окончательную редакцию Бальделли относит к 1373 году.

и там, говорит Бокаччио. Кое-что содержит, в себе одна книга, кое-что другая. Кто, спрашивается, пожелает себе задаром (*pro munere*), или по крайней мере с трудом мало плодотворным (*parum fructuose*) исследовать это, перелистать (*voivere*) и прочитать столько томов и извлечь оттуда весьма немногое». Боккаччо предпринял этот огромный труд и написал 13 книг мифологии. Обширный материал, извлеченный из предшествующей литературы, он расположил в генеалогическом порядке, предпосылая каждой книге родословное древо*. Начитанность Боккаччо чрезвычайно обширна: он пользуется не только древними писателями, но и теми средневековыми, не только письменными источниками, но и теми сведениями, которые сообщал ему Л. Пилат и Варлаам. Его отношение к источникам очень просто: встречая разногласие в сообщаемом ими мифе, он ставит рядом два рассказа, при чем не заходит даже и речи о сравнительном авторитете цитируемых авторов**. Вообще его книга по отношению к *фактическому содержанию* мифа совершенно чужда критики, так что Боккаччо считает возможным, например, приводить хронологию похищения Зевсом Европы. Вследствие этого, генеалогия богов представляет собою только компендиум мифологических сведений, довольно обстоятельный для своего времени. Но Боккаччо не ограничивается пересказом мифа, а старается также истолковать значение. Миф, как думал Боккаччо вместе с своими современниками, не просто бессмысленная басня, но или исторический факт, или аллегорическое изображение явления природы или нравственного правила, а в иных мифах соединены самые различные значения. «Следует знать главным образом то, — говорит он, что в этих фикциях не один только смысл, наоборот, можно сказать, что в них *polysemum*, т. е. много значений. Первое значение заключается в самой фабуле (*habetur per corticem*) и это смысл букваль-

* 1-я книга содержит мифы о Демогоргоне и его детях и внуках; 2-я — потомство Эфира, сына Эреба и Ночи, детей Демогоргона, от его сына Зевса; 3-я; 4-я, 5-я — потомство Целия, сына Эфира и Дня; 6-я — потомство Дардана, сына второго Зевса, родившегося от Целия; 7-я — потомство Океана, сына Целия и Весты; 8-я — Сатурна, сына Целия; 9-я — Юноны, 8-й дочери Сатурна; 10-я — Нептуна, сына Сатурна; 11-я, 12-я и 13-я — третьего Зевса, сына Сатурна.

** Напр. Eusebius in libro temporum dicit Apim, qui postea rex Argivorum, filium faisse Iovis et Niobee, filiae Phoronei... Leontius autem dixit hunc Phoronei et Niobee, sororis et conjugis suae fuisse filium eique in regnum Sicyoniorum haeredem successisse...*2

ный, другие — в том, что фабула обозначает (*per significata per corticem*) и эти значения называются аллегорическими. Чтобы легче понять, что я хочу сказать, приведем пример. Персей, сын Юпитера, по поэтическому вымыслу, убил Горгону и победителем улетел в эфир. Читая это буквально, получим смысл исторический. Если же искать в написанном морального смысла, то в нем обнаружится победа мудрого над пороком и возвышение к добродетели. Если же мы пожелаем понять это аллегорически, то миф обозначает возвышение к небу благочестивого разума (*prae mentis*), презревшего мирские удовольствия. Сверх того, басней может анагогически (*anagogice*) выражаться изображение вознесения к Отцу Христа, победившего князя мира. Эти значения, хотя и называются различными именами, могут быть однако все названы аллегорическими, как это обыкновенно и бывает, потому что аллегория происходит от *ἄλλο*, что по-латыни значит чужое или отличное (*diversum*); поэтому все отличное от исторического или буквального смысла, как сказано, может быть справедливо названо аллегорическим. Но я не имею намерения истолковывать следующие басни по всем значениям, так как я считаю достаточным из многих объяснить одно, хотя иногда, может быть, будут присоединены и многие другие». При этом перечислении различных приемов истолкования мифа Боккаччо опускает этимологическое объяснение, к которому он прибегает довольно часто. Так, напр., парки получили, по его мнению, свое название потому, что они никого не щадят (*nemini parcant*). Самый любимый прием Боккаччо при объяснении мифа — это отыскать в нем прямой или скрытый исторический факт. Так, изложив миф о Фетиде, он замечает, что «в нем следует видеть аллегорический смысл, так как здесь нет ничего исторического». В другом месте, по поводу борьбы Зевса с титанами, он ограничивает свои объяснения в виду ясного исторического смысла мифа. Вследствие этого Боккаччо охотно принимает объяснение Эвгемера*3, которого иногда прямо цитирует и которому сам подражает. Исторический факт, по его мнению, и любовь Борея к Ориции, и низвержение Сатурна Юпитером, и похождения самого Зевса. На ряду с историческим объяснением Боккаччо толкует мифы и с точки зрения натурализма. Так, по поводу мифа «о Ночи, первой дочери Земли», он говорит: «что она была любима пастухом Фанетом, это должно понимать, я думаю, следующим образом. Фанет — солнце, по моему мнению, назван пастухом потому, что его старанием насыщается все живущее; что он любит ночь — это, я думаю, придумали потому,

что он быстрым движением следует за ней, как бы за любимой женщиной, стремясь ее увидеть, и, по-видимому, желает с нею соединиться (*copulari*). Она же отвергает его и убегает не менее быстро, чем он ее преследует, потому что у нее противоположный характер (*mores adversos*): он светит, она же производит мрак, и не по пустому говорит она, что умрет, если соединится с ним, так как солнце своим светом рассеивает всякий мрак и таким образом становится ее врагом. Наконец, она соединяется с Эребом, т. е., подземным царством, где она быстро приобретает силу и живет в безопасности, потому что туда никогда не проникают солнечные лучи. В другом месте, говоря об Ахиллесе, Боккаччо замечает: «что его пятка не была погружена (в воды Стикса), это скрывает физическую тайну. Физики говорят (*volunt*), что вены, находящиеся в пятке, имеют отношение (*pertineant rationem*) *ad genum et foemorum**4 и мужским органам. Поэтому пяткою, не погруженною в Стикс, хотели обозначить непобежденную страсть в Ахилле, которая не была уничтожена и другими трудами, так что достаточно ясно, что вследствие страсти попал он в руки врагов и был ими убит. Примеров такого чисто натуралистического объяснения мифов у Боккаччо весьма много.

Весьма часто Боккаччо усматривает в мифах аллегория нравственных доктрин. Так, в главе «о Коварстве (*Dolus*), шестом сыне Эреба», он говорит, что древние «понимали под Эребом глубокий тайник (*intimum recessum*) человеческого сердца, потому что там местопребывание всех размышлений. Поэтому, если вследствие пренебрежения добродетелью болен дух, то для достижения желаемого при недостатке сил он направляет ум к уловкам. Таким образом от ночи, т. е., от духовной слепоты... создается и порождается коварство». Таким же образом Боккаччо объясняет рассказы об аде, о музах, о любви Нарциса и Эхо и многие другие.

Хотя Боккаччо имел в виду ограничиться выяснением одного только смысла в каждом мифе, но весьма часто он увлекается и приводит несколько толкований. Для примера можно указать его объяснение рассказа о рождении Афины. «Утверждают, — говорит он, что Минерва, т. е. мудрость, родилась, из мозга Юпитера, т. е. бога. Физики утверждают, что все интеллектуальные силы заключаются в мозгу, как бы в крепости (*in arce*) тела. Отсюда рассказывают, что Минерва, т. е. мудрость родилась из мозга бога, чтобы мы понимали, что из глубокого тайника (*arcano*) божественной мудрости вложен в нас всякий интеллект, всякая мудрость, дать которую Юнона, т. е., земля, в этом отношении

бесплодная, не могла и не может. По свидетельству священного писания, всякая мудрость от Господа Бога, и Сам Он говорит там же: Я вышел из уст Всевышнего*5. Таким образом действительно искусно придумали, что мудрость родилась не так, как мы рождаемся, но из мозга Юпитера, чтобы показать ее особенное благородство, что она удалена от всякой земной нечистоты и грязи. Поэтому ей приписывается постоянная девственность, следовательно бесплодность, чтобы дать понять, что мудрость никогда не ослабляется каким-нибудь соприкосновением со смертным, наоборот, всегда чиста, всегда светла, всегда безупречна и совершенна и по отношению к временному бесплодна, потому что плоды мудрости вечны... Она покрыта тремя одеждами, чтобы дать понять, что слова мудрецов и в особенности поэтов (*fingentium*) имеют много значений, а что у нее священный расшитый пеплум, чтобы мы понимали, что речи мудрецов стройны, цветисты, изящны и украшены высочайшей красотой. Ночные атрибуты ей приписываются для того, чтобы показать, что мудрец размышлением познает скрытое во мраке и видит то, что бывает ночью во тьме. Минервой она называется, как говорит Альберик, от *mi*, что значит не, и *perva* — смертный, так что выходит, что мудрость бессмертна. Тритония она называется от места или от озера, где она впервые появилась, каковым считается Тритон в Африке. Итак, изложивши эти вымыслы, следует перейти к истории и узнать, что Минерва была некая девица, происхождение которой неизвестно. Обладая огромным умом, она впервые появилась в царствование в Аргосе Форонея, как говорит Евсевий, около озера или болота Тритона в Африке, и никто не знал, из каких мест она пришла. Такое одновременное приложение различных объяснений к одному мифу встречается и еще несколько раз.

Толкования мифов, составляющие бóльшую часть книги, более всего занимают Боккаччо. Не довольствуясь господствовавшими до него методами, он присоединяет к ним и такой, который при более систематическом и последовательном приложении мог дать научные выводы. «Следует знать, говорит он, что у древних был обычай для возвышения знатности происхождения причислять к богам известными нечестивыми церемониями и почитать храмами и жертвами основателей их государств, а точно также и родителей государей и их самих за какое-нибудь их благодеяние, чтобы выразить свою благодарность и желанием столь блестящей славы воодушевить других к благодеяниям». Оставаясь простым компилятором, когда дело идет о фабуле, Боккаччо при ее тол-

ковании становится критиком и возражает своим источникам, за которыми он так послушно следует в других случаях. Но эти критические экскурсии и вообще редкие проблески нового научного духа не изменяют общего характера книги.

Позднейшие исследователи не одинаково относятся к главному латинскому трактату Боккаччо. В XIV столетии «Генеалогия» пользовалась большим успехом. Ф. Виллани своим отзывом объясняет причину ее популярности. «Это сочинение, говорит он, весьма приятное, полезное и чрезвычайно удобное для желающих познать вымыслы поэтов (*figmenta cognoscere*); без него трудно было бы и понять поэтов, и заниматься поэтическим искусством (*vacare poeticae disciplinae*). Оно с удивительной остротой ума выводило наружу и как бы в руки давало тайны (*mysteria*) поэтов и аллегорический смысл, который скрывался или в вымышленной истории или в баснословном изложении». Совершенно в том же смысле говорит о «Генеалогии» К. Салютати*. Но эта популярность не удержалась в следующем столетии, по крайней мере, среди передовых гуманистов. Тесная связь книги с средневековыми учеными и в особенности ее стиль подорвали ее цену, и уже Кортезе и П. Джовио отрицают за ней всякое значение. В XVIII столетии отношение к Генеалогии меняется. Манни совершенно верно выставляет на вид ее важность для того «несчастливого» для науки времени**, а Бальделли впадает даже в дифирамбический тон, восхваляя «удивительную ясность» книги, и тщательность и критику» ее автора. Г. Фогт вернулся к точке зрения Кортезе и Джовио и осудил книгу, как бессвязный свод разных заметок***. Этот приговор, несправедливый сам по себе, произнесен, кроме того, без внимания ко времени появления труда Боккаччо. Иначе отнесся к Генеалогии Ландау. Он высоко

* В неизданном сочинении *De laboribus Herculis* он говорит: «*legant admirabile opus divini illius viri et compatriotae mei Ioannie Boccatii De genealogia deorum, qui omnium antiquorum super hac materia traditiones mirabiliter superant*» *6. Из приведенной там же выдержки из письма Салютати видно, что и он, подобно Виллани, придавал главное значение истолкованию мифов. На популярность сочинения указывают и многочисленные его рукописи, переделки и издания.

** Приведя отзывы Джовио, Манни говорит: *chiunque con sano giudizio risguardandoli, si pone davanti la malagevolezza, che vi avea in quel tempo, dirò così, infelice, di apprendere le cognizioni vastissime della cronologia, della geografia e sopra tutto della mitologia, darà sentenza diversamente.* *7

*** Ein w stes und gedankenloses Notizenmagazin⁸.

ставит «чудовищную начитанность» автора и удивительное для того времени понимание древних авторов: «недостатки его книги принадлежат его времени; достоинства — ему самому». Это мнение разделяют Кертинг и Гейгер*.

К этим оговоркам можно прибавить еще специальную трудность мифологических исследований и в особенности истолкования мифов, так как эта область служит до настоящего времени объектом для самых экстравагантных гипотез. Тем не менее следует признать, что «Генеалогия богов» Боккаччо не имеет самостоятельного значения. Прежде всего она не была оригинальна по идее; Боккаччо имел несколько предшественников: Франческино дельи Альбицци, Форезе деи Донати и Паоло-да-Перуджиа. Хотя он цитирует только последнего автора, но оба сочинения находятся в Zibaldone и их порядок изложения сохранен у Боккаччо**. Вся его работа заключается в дополнениях как фактического содержания, так в особенности толкований. Но как исторический источник для эпохи и для биографии автора мифологическое сочинение Боккаччо имеет значительную цену. Прежде всего в нем отразились симпатии автора, который по натуре беллетрист-рассказчик, хотя и старается показать себя критиком. Кроме того, в нем чувствуется еще сильная связь начального гуманизма с предшествующей эпохой. Боккаччо не только цитирует средневековых писателей, но и относится к ним с уважением. В особенности это заметно по отношению к астрологии. Говоря о богах, давших название планетам, Боккаччо подробно без малейших следов критики описывает их физические и духовные свойства, ссылаясь на Альбумазара и своего «достопочтенного (*venerabilis*) учителя», Андалона. Далее, манера Боккаччо ссылаться на некоторых из своих современников и называть в отдельных случаях источники дает обильный материал для их характеристики. Так, в Генеалогии находится много данных для биографии первых греков Ренессанса — Варлаама и в особенности Леонтия Пилата. Наконец, в книге Боккаччо встречается много автобиографического материала; особенно

* Man darf das Buch ein für die damalige Zeit hochbedeutendes nennen*⁹.

** Перуджино говорит *quia dicturi sumus de geneologia tam hominum quam deorum et quia dii sunt digniores hominibus ergo opusculum a digniori parte summet exordium. Et quia tamen Demogorgon primus et summus omnium deorum fuerat de eo primum est agendum* *¹⁰. У Альбицци и Донати сочинение начинается. *Demogorgon primus omnium deorum genuit Cloton etc.* *¹¹

важны в этом отношении 14-я и 15-я книги Генеалогии, которые по своему содержанию не имеют ничего общего с темой.

В 14-й книге «автор нападает на врагов поэзии (*po tici nominis*), отвечая на их обвинения». Боккаччо предвидит возражения на свою книгу и на всю свою деятельность с разных сторон и заранее отвечает на возможные нападки. С людьми невежественными, которые с пренебрежением относятся ко всяким научным занятиям, он не желает спорить и ограничивается презрительной бранью. С таким же презрением относится он к тем, которые, «не будучи мудрецами, желают ими казаться». Настоящая полемика направлена против юристов и главным образом против теологов и монахов, при чем Боккаччо держится такой системы, что прежде сам нападает на врагов, а потом определяет поэзию и выясняет ее цену. Он не отвергает важности юристов в государстве и обществе. «Если они справедливо отправляют правосудие (*exerceantur jura*), то они сдерживают дурные нравы людей, возвышают невинность и каждому обращающемуся к ним дают то, что ему следует. Ими не только поддерживается в своих силах нерв государства, но увеличивается и улучшается вечная справедливость». Сущность обвинений Боккаччо против юристов заключается, во-первых, в том, что они слишком корыстолюбивы, что «считают достойным похвалы только то, что блестит золотом», и вследствие этого злоупотребляют законом. Из этого же личного недостатка вытекает их презрительное отношение к поэзии, которая не приносит выгоды, и чрезмерное преклонение перед юриспруденцией, потому что она доставляет богатства. Между тем изучение законов не наука, потому что оно требует только памяти, а не ума и таланта. Кроме того, юриспруденция ниже поэзии и в других отношениях: поэзия вечна, а законы «стареют и умирают»; поэзия трактует о возвышенных материях, а юриспруденция трактует вопросы в роде того, «может ли пылкая женщина быть разведена с холодным мужем» и т. п....

С такою же резкостью нападает Боккаччо на схоластиков и монахов* и выставляет против них сделавшееся обычным среди гуманистов обвинение в лицемерии «*Exterminant facies suae, ut appareant vigilantes*; они выступают с опущенными в землю глаза-

* Боккаччо озаглавил эту главу (V) так: *qui sint et quam multa po tis quidam apponant* *12; но его издатель сделал такое примечание к этому заглавию. *In monachos et magistros nostros, quos puto aperte inscribere propter aetatis suae tyrannidem veritus est* *13.

ми, чтобы казаться всегда погруженными в размышления, ходят медленным шагом, чтобы их считали подавленными под излишней тяжестью возвышенных спекуляций. Они одеваются в почетное платье не потому, что у них почтенный ум, но чтобы обманывать других мнимой святостью» и т. д. словом, дает такое их изображение, которое может служить введением к некоторым новеллам Декамерона. Изложив далее обвинения, которые возводятся на поэзию представителями старой науки и старого благочестия, Боккаччо излагает свою точку зрения. Поэзия, по его мнению, «знание», «наука», которая под покровом вымысла поучает добродетели. Исходя из этого положения, Боккаччо опровергает своих противников, иллюстрируя иногда примерами из современности и их нападки, и благотворное действие поэзии.

Последняя книга Генеалогии представляет собою защиту автором самого себя, которая распадается на две части. В первой Боккаччо выясняет пользу и значение своей книги, оправдывает распределение в ней материала, его обработку и пользование источниками. Как особенную заслугу выставляет он тот факт, что «все фабулы или истории заимствованы исключительно из комментариев древних» и что если он пользуется новыми авторами, то лишь весьма немногими, которые выдаются своей ученостью. Во второй части Боккаччо оправдывает свой выбор темы. В замечательной по автобиографическим данным десятой главе он доказывает, что необходимо выбирать такие занятия, к которым чувствуешь склонность. Не отрицая значения других наук и даже ремесел, Боккаччо рассказывает свою автобиографию в доказательство того, что он родился поэтом. Затем он оправдывается с религиозной точки зрения. В двух главах доказывает он, что христианин может заниматься языческой поэзией и мифологией и формулирует свой строго-католический символ веры. Наконец, он считает даже необходимым оправдаться от наивного обвинения, что не следует обнаруживать недостатки древних и вообще умерших.

Как исторический источник, 14-я и 15-я книги Генеалогии богов имеют весьма важное значение. Независимо от фактических данных для биографии Боккаччо и современной ему эпохи, в этих книгах мы находим отражение почти всего мирозерцания одного из первых гуманистов: его взгляд на поэзию и религиозные воззрения, отношение к разным наукам и их средневековым представителям, его понимание человеческой природы и моральных вопросов. Аттилио Гортис в своем образцовом исследовании

о латинских сочинениях Боккаччо идет еще далее и склонен приписать этим книгам всемирно-историческое значение. Без труда доказавши, что обвинения против поэзии, о которых говорится в них, вполне реальны, а не придуманы автором, Гортис доказывает, что идеи, которыми Боккаччо защищает поэзию, вполне оригинальны и что он первый «провозгласил свободу искусства и поэзии»*. Но ни одно из этих положений не оправдывается фактами. Гортис признает, что «по понятию Боккаччо, поэзия не что иное, как союзница морали, и союзница второстепенного значения (*di minor levatura*)», но что это «только щит против ее порицателей». «Боккаччо, — говорит он, доказывая, что поэт служит богословию и морали, хотя и другими путями, чем теологи и моралисты, — полагает первое основание освобождению поэта от тех и от других. В Декамероне он на факте эмансипировал искусство; в двух последних книгах Генеалогии богов он приготовился провозгласить новый статут, статут умеренный по форме, но радикальный по существу». Вместо доказательства, Гортис сравнивает Боккаччо с Абеяром^{*15}, который при всем своем свободомыслии отрицал языческих поэтов, и с Иоанном Салисбёрийским^{*16}, который, допуская античную науку, видел в поэзии разврат, и делает следующий вывод. «Боккаччо, который хотел, чтобы поэзия служила морали, не дошел до провозглашения свободного слова: искусство для искусства, и, пустив в ход этот принцип на деле, он предоставил заботу провозгласить его потомкам, детям более свободного времени. Но пока в теории он сделал огромный шаг к свободе, осмелившись утверждать против порицателей поэтов, которых оскорбительно называли “обезьянами философов”, что поэзия есть наука, независимая от философии»**. Прежде всего, этот вывод не совпадает с по-

* Qui incomincia la originalità del Boccaccio; egli primo proclama la libertà dell'arte e della poena, avviciandosi all'idee degli antichi. ^{*14}

** Впрочем Боккаччо говорит не о независимости поэтов от философов, а об их родстве при несущественных различиях. Si satis intelligerent (detractores) poetarum carmina, adverterent omnes non simias, sed ex ipso philosophorum numero computandos, cum ab eis nil praeter philosophiae consonum juxta veterum opiniones fabuloseo tegatur velamine... Nam esto a philosophicis non devient conclusionibus, non tamen in eas eodem tramite tendunt: philosophus, ut satis patet, syllogizzando, reprobatur, quod minus verum existimat et eodem modo aprobat quod intendit et hoc apertissime prout potest poeta, quod meditando concepit sub velamento fictionis, syllogismis omnino amotis, quanto artificiosius potest, abscondit. Philosophus stilo prosaico, ut saepius et ejus fere parvipendens ornatum

ложением, что Боккаччо первый провозгласил свободу поэзии. Кроме того, теория, которую он развивает в своей книге, если и представляет шаг вперед, то только потому, что с церковной точки зрения оправдывает *raison d' tre* поэзии и несколько расширяет ее объект, выводя ее за тесные пределы церковной легенды и религиозного гимна. Но по самому своему содержанию она совершенно не выдерживает никакой критики: Боккаччо в романах и Петрарка в *Rime* стоят в непримиримом с нею противоречии, в которое неизбежно станет и всякое истинно поэтическое произведение. Эта теория явилась только, как жалкий результат неудачной попытки примирить новые потребности с средневековым аскетизмом. Наконец, неверно утверждение, будто Боккаччо «оригинален» в своей защите поэзии. Его теория целиком заимствована у Петрарки, которого он не только цитирует, но иногда прямо пересказывает.

Из двух исторических сочинений Боккаччо более раннее посвящено женщине. Это пестрое собрание анекдотических заметок о женщинах, мифических и реальных, всех времен и народов, начиная с праматери Евы и кончая королевой Иоанной Неаполитанской. Боккаччо посвятил книгу сестре Н. Аччайуоли, Андреине, графине Альтавилла, и в адресованном к ней письме излагает цель своего сочинения — похвалить женский пол и доставить удовольствие друзьям. Этою целью обуславливается отчасти и содержание книги: Боккаччо исключает из нее библейских и христианских знаменитостей, потому что их подвиги облегчались божественной помощью и их жизнь обстоятельно описана. Кроме Евы, которая, согласно с средневековыми привычками начинает книгу, большинство знаменитых женщин заимствовано из древнего мира, при чем на ряду со смертными фигурируют почти все богини и такие легендарные существа, как Медея, Иокаста, Ниоба и проч. Обилие таких биографий не препятствует Боккаччо считать свою книгу сочинением историческим, потому что он нимало не сомневается в реальном существовании поэтических образов, как Пенелопа, Кассандра, амазонки и т. п. При толковании мифов Боккаччо более последовательно, чем в Генеалогии, держится эвгемеризма, вследствие чего богини представляются

scribere consuevit; po ta-metricae, gumma cum cura, exquisito decore conspicuo. Philosophorum insuper est in gymnastis disputare, po tarum in solitudinibus canere *¹⁷.

ему просто знаменитыми женщинами*. Биографические сведения об исторических женщинах древнего мира не представляют никакого интереса ни по содержанию, ни по его обработке: Боккаччо переписывает из древних писателей то, что имеет анекдотический интерес. Историческая критика почти совершенно отсутствует: автор даже плохо разбирает свои источники, смешивает, напр., Веронику с Лаодикой. Средневековые женщины занимают весьма скромное место в книге Боккаччо: из 105 биографий им отведено только 7, притом биографии Брунегильды и византийской императрицы Ирины не имеют значения, рассказы о Энгельтруде из Флоренции и Камиоле из Сьены представляют собою нехарактерные анекдоты; некоторый интерес имеют только жизнеописания Констанции, матери Фридриха II, папессы Иоанны и ее тезки неаполитанской королевы.

Биография Констанции может служить образцом несовершенства исторических приемов Боккаччо: в ней обнаруживается и его невнимательность к фактической точности, и непонимание общего положения тогдашних дел, и излишнее стремление к занимательности в ущерб исторической достоверности, и пристрастная окраска лиц и событий. В его рассказе Констанция — дочь Вильгельма II, о браке которой с Генрихом VI заботится папа. В основу биографии положено пророчество одного аббата, что Констанция будет причиной бедствий для Сицилии, вследствие чего отец заключил ее в монастырь, где она оставалась до старости. Вышедши замуж с нарушением иноческого обета, она на 55 году родила Фридриха II, который «потом сделался чудовищным человеком, чумою не только для Сицилии, но и всей Италии». Биография папессы Иоанны представляет интерес как исторический источник, потому что Боккаччо в своем рассказе следует не интерполированному Мартину из Польши, а непосредственным народным преданиям, и его изложение составляет новый вариант

* Для характеристики приемов Боккаччо достаточно привести его рассуждения о Венере. *Hanc esse duobus nupsisse viris creditum est. Primo nupsit non satis certum, nupsit ergo (ut placet aliquibus) ante Vulcanum Lemnorum regi et Iovis Creteneis filio; quo sublato, nupsit Adoni, filio Cynyrae atque Myrrhae regis Cypriorum, quod verisimilius mihi videtur, quam si primum virum Adonem dixerimus, eo quod seu complexionis suae vitio, seu regionis in flectione in qua plurimam videtur posse lascivia, seu mentis corruptae malicia factum sit, Adone jam mortuo, hi tam grandem luxuriae pruritum lapsa est, ut omnem decoris sui claritatem crebris fornicationibus maculasse videretur, cum jam adjaacentibus regionibus notum foret etc.* *18

этой легенды. Наконец, отношение к королеве Иоанне имеет биографический интерес для самого автора. Боккаччо, бичевавший в эклогах знаменитую преступницу, осыпает ее похвалами в посвящении и заканчивает книгу напыщенным панегириком.

Новейшие исследователи резко расходятся в оценке книги «О знаменитых женщинах» с современниками ее автора и ближайшим к нему потомством: Фогт называет книгу «деревянной», Кёртинг — совершенно незначительной. Ландау отрицает в ней всякую этическую и историческую цену, тогда как Ф. Вилани предпочитал ее древним авторам*, а монах Филиппо да Бергамо в XV веке совершил литературную кражу, включив целиком книгу Боккаччо в свое сочинение «О знаменитых и избранных женщинах». Не подлежит сомнению, что по фактическому содержанию книга Боккаччо не имеет теперь почти никакой цены, но по настроению и взглядам автора она принадлежит к числу наиболее интересных памятников гуманистической литературы. Прежде всего весьма характерен самый факт ее появления. Боккаччо, первый историк женщины, любил предмет своего исследования со всеми ее слабостями и был большим знатоком ее красоты, как это видно из его романов и преимущественно из Декамерона. Правда, Ландау утверждает, что между этой книгой и Декамероном нет ничего общего. «Какой-нибудь благочестивый монах, никогда не покидавший своей кельи, мог бы написать эту книгу так же хорошо, или вернее, так же плохо, как и Боккаччо». De claris mulieribus, по его мнению, — результат раскаяния автора веселых новелл. «Боккаччо слишком восхвалял в Декамероне прекрасные, а иногда и гнусные слабости женского характера, а здесь, как бы желая наказаться за это, впал в противоположную крайность». С этими положениями никоим образом нельзя согласиться. Прежде всего, книга Боккаччо не только чужда монашеского духа, но и проникнута анти-аскетическим настроением. Допуская, что женщина слабее мужчины и духом, и телом, автор тем не менее написал свою книгу «в особенную похвалу женского пола», заслуги которого тем выше, что ему приходится преодолевать свои слабости. Это прославление женщины вытекает таким образом из общего взгляда на благородство и могущество человеческой природы, который с особенной ясностью обнаруживается в объяснении Боккаччо,

* По словам Вилани, в книге Боккаччо tanta facundia et gravitate, ut priscorum altissima ingenia ea in re dicatur merito superasse *19.

почему он исключил из своей книги святых и ограничился одними язычницами. «Первые, — говорит он, ради вечной и истинной славы, весьма часто принуждали себя к терпению, почти противоположному человеческой природе (*sese fere in adversam persaere humanitatis tolerantiam coegere*), подражая святым предписаниям и примерам наставников, тогда как последние под влиянием (*percitae*) или некоего дара природы, или инстинкта, или чаще страсти к здешнему мимолетному блеску, однако не без могучей силы ума достигали славы или переносили весьма часто самые тяжелые удары гнетущей судьбы». Совсем не по-монашески относится Боккаччо и к славе. Он решительно заявляет в предисловии что не думает отождествлять славу с добродетелью, и вносит в свою книгу, написанную в «похвалу женского пола» всех его представительниц, которые чем бы то ни было достигли известности. Вследствие этого между знаменитыми женщинами наряду с Лукрецией и Корнелией фигурируют Венера и папесса Иоанна. Едва ли можно отрицать, что такая точка зрения не далеко ушла от Декамерона. Преклонный возраст Боккаччо обнаруживается главным образом в том, что убеждение в несовершенстве женской природы сравнительно с мужской красной нитью проходит через все сочинение и что вообще взгляд его на семью и семейную нравственность сделался несколько строже. В конце биографии Камиллы, царицы вольсков, он развивает теорию воспитания девушек, в которой требует усмирять трудом дурные желания, избегать всяческих удовольствий, которые могут повести к соблазну, и более всего заботиться о сохранении целомудрия. В другой биографии он дает такое определение этой добродетели, под которым может подписаться самый строгий моралист; и подобные нравственные назидания так часто перерывают изложение, что придают всей книге дидактический характер. Но, превратившись в проповедника женской добродетели, Боккаччо тем не менее весьма далек от монашеских идеалов. Так, о законной любви он говорит с большим сочувствием. «Воспламененная огнем разума, она не жжет до безумия, но согревает симпатию (*in complacentiam calefacit*) и соединяет сердца такую приязнью (*charitate*), что у них всегда одинаковые желания; привыкши к мирному единению, она ничего не упускает, с жаром и усердием делает все для своего продолжения. Если судьба неблагоприятна, она добровольно берет на себя труды и опасности, в высшей степени заботливо измышляет планы и находит средства для спасения, измышляет даже обман, если этого требует необходимость».

Тесная связь сочинения «О знаменитых женщинах» с итальянской прозой Боккаччо обнаруживается не только в основном сходстве настроения, но и в форме изложения, и даже в фактическом содержании. Желая быть ученым, Боккаччо тем не менее остается рассказчиком и в этой книге более, чем где-нибудь. На первом плане у него всегда занимательная фабула, анекдот, который по содержанию своему иногда совершенно совпадает с новеллой. Таков рассказ о римлянке Паулине, почти тождественный с 2-й новеллой 4-го дня, только монах Декамерона заменен здесь юношей Мундусом, а архангел Гавриил — богом Анубисом.

Наконец, книга Боккаччо представляет большой интерес для характеристики отношения автора к классическим писателям и к Петрарке. Боккаччо далек от рабского преклонения перед своими образцами: он не желает исключать из своей книги средневековых знаменитостей; отсутствие подобного сочинения в известной ему древней литературе и у Петрарки не только не отнимает у него желания написать историю женщин, а наоборот только возбуждает охоту пополнить этот пробел. Он действует самостоятельно, критически относится к предшественникам, *удивляется* их непоследовательности, потому что они не желают похвалить женщин за то, за что хвалят мужчин. Причина молчания о женщинах такого их ненавистника, каким является Петрарка в своих латинских сочинениях, вероятно, «хорошо была известна Боккаччо, но это не помешало ему похвалить то, что с таким жаром порицал его учитель: в своей литературной деятельности он следовал личному настроению, которое в данном случае более решительно примыкало к Ренессансу, чем вечное самопротиворечие певца Лауры.

Второе сочинение исторического содержания — «*О несчастливых знаменитых людей*», точно также насквозь пропитано дидактизмом. В предисловии к книге Боккаччо так формулирует свою главную задачу: «что может быть лучше, как напрячь все силы, чтобы вернуть заблуждающихся к лучшей честной жизни (*ad frugem melioris vitae*), стряхнуть пагубный сон с нерадивых и сонливых, чтобы подавить пороки и возвысить добродетели». Биографии служат таким образом только фактической иллюстрацией к проповеди, при чем автор берет примеры из жизни знаменитых людей и главным образом правителей для того, чтобы подействовать преимущественно на исправление этих последних и чрез это принести пользу государству. Дидактическая цель Боккаччо сказалась не только на выборе материала, но и на его

расположении и обработке. Обыкновенно за каждой биографией следует нравоучение в форме проповеди против того порока, который обнаружился в только что рассказанном факте. Так, глава 1-я первой книги трактует «об Адаме и Еве, наших прародителях», а вторая озаглавлена: «Против неповиновения»; после биографии Немврода, глава «Против гордых»; после Тезея — «Против излишнего и неосмотрительного легковерия» и т. д. Для большей убедительности за главным примером после нравоучения следуют часто еще несколько фактов под общим заглавием: «Собрание плачущих», «Жалобы некоторых» и т. п.. С этой же целью вероятно, исторические факты изложены иногда в форме видения автора, который ведет разговор с некоторыми несчастными знаменитостями. Самые примеры Боккаччо заимствует главным образом из истории древнего востока и античного мира; только в двух последних книгах появляются тени средневековых несчастливцев и некоторых современников, которые играют ту же самую роль, как и древние знаменитости.

«Несчастья знаменитых людей» пользовались огромной популярностью в XV и XVI столетиях; на одних действовали самые рассказы, на других — моральный вывод, третьим была симпатична политическая тенденция. Циглер, аугсбургский издатель этой книги в XVI столетии, божится, что ни одно сочинение не доставляло ему такого удовольствия, как это собрание разнообразных «историй» различных авторов. Джиованни Понтано вполне удовлетворен назидательным моральным выводом, который научает человека довольствоваться своим положением. Нравственная польза книги Боккаччо побудила некоего Monradus Moltherus Augustanus написать к ней обширные глоссы и исправить некоторые фактические ошибки. Доминиканец Жан Пети (Ioannes Parvus) ссылается на «знаменитого морального философа Иоанна Боккаччо» и черпает из его книги многочисленные аргументы для своего сочинения «*Оправдание герцога Бургундского за убийство герцога Орлеанского*», которую он написал для Констанцкого собора. Даже в начале нынешнего столетия Бальделли находил эту книгу «более поучительной, чем курс этической философии». Совершенно иначе относятся к этому сочинению Боккаччо современные исследователи: Фогт посвящает несколько строк книге, которая представляется ему подражанием Петрарке, Ландау вынес из нее только тяжелое впечатление*.

* Landau findet, dass man mit einem freudigen Gefühle der Erlösung das Buch aus der Hand legt, um es nicht wieder aufzuschlagen *²⁰.

сколько снисходительнее Гортис, который находит в книге драматический интерес и признает за ее автором умение верно воспроизводить характеры действующих лиц*. Но и Гортис весьма низко ставит Боккаччо, как историка; по его мнению, дидактическая цель автора лишила исторической цены его книгу. Действительно, большинство биографий с исторической точки зрения не имеют никакого значения; даже те из них, для которых Боккаччо мог пользоваться непосредственными источниками, как в рассказе о судьбе Молэ и герцога Афинского, не дают почти ничего нового. Только казнь Филиппы Катанской описана с живостью очевидца, и в этой главе есть несколько подробностей, не лишенных исторической и автобиографической цены. Тем не менее книга Боккаччо занимает видное место в гуманистической литературе и представляет собою исторический источник, весьма интересный во многих отношениях. Прежде всего в сочинении встречаются автобиографические сведения. Так, Боккаччо сообщает, что его отец присутствовал при казни Молэ, что сам он вращался при дворе Роберта Неаполитанского мимоходом изображает свои отношения к Андалоне и весьма обстоятельно влияние на свои занятия Петрарки; много говорит о своем поэтическом призвании и практических стремлениях — к уединению и обеспеченному досугу. Философское мирозерцание Боккаччо, о котором мы имеем сравнительно скудные сведения, всего нагляднее обнаруживается в этом сочинении. Самая его тема требовала решения основного вопроса, к чему должен стремиться человек, и откуда происходят его бедствия. С этой точки зрения лирические отступления и дидактические комментарии имеют гораздо более значения, чем исторические примеры. Боккаччо без малейшего колебания заявляет, что цель всех человеческих стремлений счастье и что людские несчастья происходят по большей части от непонимания людьми своей пользы и от их неумения пользоваться своим положением. Исходя из этого положения, он далек от ученой и литературной исключительности и признает и одобряет всякое занятие, если только оно ведет к цели, т. е. к счастью. Если он восстает против юристов, то имеет в виду не самое занятие правом и не практическую их деятельность, а только их личные недостатки. Древние юристы заслуживают полного уважения, а современные невежественны, презирают философию и крайне порочны. Если Боккаччо выдвигает красноречие, то исключительно потому, что на него нападают

* Leggendo il libro del Boccaccio ti sembra talvolta essere spettatore di una dramma; e a più di un atto vorresti applaudire per la verità nella pittura de' caratteri *²¹.

представители средневекового знания, и эта защита представляет собою восторженный, чисто гуманистический гимн человеческой природе и главным образом могуществу человеческого слова. Посвященная этому вопросу глава имеет вследствие этого особенный интерес, как наиболее характерное проявление гуманистического элемента в сочинениях Боккаччо. Признавая божественное происхождение человека и благородство его природы, Боккаччо свободен от слепого преклонения перед древностью. Как и в других сочинениях, он черпает материал из средневековых источников и среди античных биографий вставляет с большим сочувствием рассказ своего учителя-схоластика. Более того, сравнивая поведение последних храмовников с подвигами древних, он решительно отдает предпочтение современникам. Признавая возвышенность стремлений, присущую человеческой природе, Боккаччо страстно вооружается против соблазнов, которые совращают человека с истинного пути и приводят его к гибели, против тирании, женщин и богатства. Но в красноречивом панегирике бедности он далек от монашеского к ней отношения и прославляет ее только, как школу для человека, устраняющую соблазны, дающую счастье в этом мире и развивающую самодеятельность. Не менее страстно нападает Боккаччо и на женщин. Автор сочинения, написанного «в похвалу женского пола», и ранее чувствовал к нему симпатию вопреки своим теоретическим воззрениям. Теперь в старости и после неудачной попытки жениться отрицательное отношение обострилось, и Боккаччо советует «довольствоваться холостой жизнью и презирать всех женщин», потому что «женский пол надменен, неверен, непостоянен, лжив и всегда распален ненасытимой страстью». В главе, специально написанной против женщин, он выражается еще резче, называет женщину «гибельным злом» не только для отдельного человека, но и для общества, и готов осудить ее на изгнание, при чем в целых 2 главах приводит многочисленные примеры ее губительного влияния на правителей и государственные дела, хотя и продолжает признавать за ней способность к добродетели в виде крайне редкого исключения. Обожатель Фиамметты под старость пришел к тому же самому отношению к женщине, как и певец Лавуры, и написал отдельную главу против красоты и любви, которым служил в молодости.

Но самый главный интерес книги «О несчастьях знаменитых людей» заключается в том, что она является важнейшим источником для политических воззрений Боккаччо и для его отношения к современным ему политическим силам. Уже в эпистолярном

посвящении книги Майнардо деи Кавальканти он формулирует отчасти свою точку зрения на современных пап, императоров и государей, которых он не находит достойными того, чтобы им посвятить свою книгу. Современных пап он порицает за их стремление к светской власти и чисто светский образ жизни; но он не противник папства, и в единственной биографии, посвященной римским епископам он излагает теорию его происхождения от Христа чрез апостола Петра и только порицает крайнее властолюбие, которое создал, по его мнению, «яд» Константина дара. Менее определенно, хотя несомненно враждебно, относится Боккаччо к императорам. Карла IV он упрекает за пьянство и в самых резких выражениях порицает Гогенштауфенов, начиная с Фридриха I, так что его гвельфские симпатии не подлежат никакому сомнению. Еще с большею резкостью относится Боккаччо к третьей политической силе, к современным ему монархам. Он не теоретический противник монархии, но таких государей, которые сколько-нибудь приближаются к идеалу монарха, в современном ему обществе нет; современные правители «разукрашенные ослы» и тираны. В этом же сочинении развил Боккаччо свою знаменитую теорию о законности и даже святости убийства тирана.

Но относясь с величайшим недоверием к монархической власти, Боккаччо далеко не безусловный поклонник народовластия. Современных граждан он рисует в самых мрачных красках сравнительно с древними героями гражданской доблести. Не находят пощады у Боккаччо и отдельные слои современного ему гражданства: к черни он относится не мягче, чем Петрарка; новая аристократия из разбогатевших купцов возбуждает в нем насмешки и презрение; за старым дворянством, наконец, он не признает никаких привилегий, потому что истинное благородство заключается в личных свойствах и главным образом в добродетели. Боккаччо — демократ в том же смысле как и Петрарка. Марий для него «образец истинной знатности» и кормилица Филиппа Катанская фигурирует в его книге на ряду с царственными несчастливцами. Что касается до широких политических мечтаний, к которым так склонен был Петрарка, то в книге «О несчастиях знаменитостей» не замечается никаких их следов. Боккаччо не чужд национального патриотизма, когда говорит о других народах, но совершенно молчит о желательности объединения Италии; он описывает печальное положение современного Рима и припоминает о его прежнем величии, но не только не указывает

средств для восстановления его прежнего блеска, а даже не выражает такого желания. И в этой книге, как в других сочинениях, Боккаччо остается флорентийским гвельфом, совершенно чуждым более широких политических идеалов.

Сочинение Боккаччо *«О горах, лесах, источниках, озерах, реках, болотах и названиях моря»* — представляет собою географический словарь, разделенный на семь частей соответственно заглавию и в каждой рубрике расположенный в алфавитном порядке. Боккаччо смотрел на эту работу только как на отдых от другого более важного труда и предназначал его для людей мало образованных, вследствие чего он не делал особенно тщательных изысканий. Распределение материала в книге Боккаччо поставил в зависимость от взаимного отношения описываемых им предметов в природе. «На горах, говорит он, растут леса, оттуда вытекают источники и реки, которые образуют озера и болота; поэтому мне казалось разумным начать с гор». В основу своей книги Боккаччо положил аналогическое сочинение некоего Вабюса Секвестера, которое он дополнил сведениями, заимствованными из других, главным образом древних, писателей. Его метод весьма не сложен. Встречая несколько мнений по поводу одного и того же предмета, он обыкновенно сообщает их все без указания авторов. (Вообще Боккаччо в этом сочинении не указывает своих источников, как в «Генеалогии богов».) Если же он встречает противоречие между Секвестером или другим позднейшим писателем и древними, то он отдает предпочтение последним, авторитету которых, по его собственному выражению, он «верит более, чем своим глазам». Тем не менее, когда известия древних сталкиваются с показаниями очевидцев, Боккаччо не решается высказаться в пользу первых и предоставляет окончательный вывод другим исследователям.

Географическое сочинение Боккаччо резко осуждалось позднейшими исследователями. Сначала его обвиняли в плагиате, так как он переписал всю книгу Секвестера, кроме ее этнографической части. Это обвинение произошло вследствие незнакомства с тогдашними литературными обычаями, которые продолжались даже в XVIII веке. Боккаччо так дополнил и исправил своего предшественника, что его так же мало можно упрекнуть в плагиате, как, напр. Апостола Дзено, комментировавшего Фоссиуса. Если он не назвал Секвестера, то только потому, что обычай цитировать источники только что входил в употребление и к нему относились еще подозрительно. Вследствие этого обвинение в плагиате было

опровергнуто еще Ландау, и его аргументы с большей обстоятельностью были повторены Гортисом. Но сам Ландау относится к книге довольно поверхностно и односторонне. По его мнению, «она негодна уже более 300 лет, хотя в свое время и еще два столетия позже ею много пользовались и она лучше, чем можно было ожидать при скудных сведениях в географии, какими обладало XIV столетие». Еще резче относится к ней новейший биограф Боккаччо Кёртинг. Он отрицает в ней всякое научное значение и видит только «дилетантскую, чуждую всякой критики компиляцию». Приведя цитированные нами слова Боккаччо по поводу известий о Каспийском море, он замечает: «видно из этого, к какой бессмыслице (*Widersinne*) должны были приводить гуманистическая односторонность и некритичность». В противоречие с этим Кёртинг признает эту книгу «весьма почтенной (*versdienstliche*) для своего времени работой, годным и полезным пособием для молодой гуманистической науки». Не подлежит, конечно, сомнению, что научная цена географического сочинения XIV века не может быть высокой после массы открытий нового времени; но Ландау и Кёртинг игнорируют его историческое значение, выяснение которого составляет важную заслугу Аттилио Гортиса. Гортис посвятил отдельное сочинение естественно-историческим сведениям Боккаччо и в своих «Этюдах» подробно и обстоятельно рассматривает его космографические и географические воззрения, поскольку они выразились в его географическом словаре, который и помимо того имеет важное значение, как исторический источник для эпохи Ренессанса. Самое появление словаря и методологические приемы автора служат проявлением двух характерных сторон эпохи — страсти к путешествиям и любви к древним. Кроме показаний древних, Боккаччо руководствуется и многочисленными собственными наблюдениями, которые составляют для него весьма важный источник. В связи с этим он сообщает и автобиографические подробности: маленькая Эльза, на которой стоит родной автору Чертальдо, вошла в словарь, и Боккаччо, как истый представитель раннего, наивного индивидуализма, сообщает при этом совсем некстати, некоторые сведения и о своих родителях. Точно так же относится он к тем местам, с которыми связано имя Петрарки. Так, ручеек Соргу, орошавший Воклюз, он не только вносит в свое описание, но и перечисляет все сочинения, которые написал на его берегах первый гуманист. Кроме того, Боккаччо в конце книги сообщает интересное сведение, неизвестное из других источников, что Петрарка *также писал*

географическое сочинение, и изображает свое отношение к своему другу и руководителю. Что касается до отношения к древности, то Боккаччо, по-видимому, более преклонялся перед ее авторитетом, чем Петрарка. Упреки в нескритичности со стороны новых исследователей вызваны главным образом тем, что он повторяет разные басни древних, авторитету которых, по его собственным словам, он доверял более, чем своим глазам. Но, несмотря на несомненную искренность этого заявления, новая критика пробивается сквозь старую привычку к авторитету и ставит Боккаччо в противоречие с его собственными словами. Мы видели, что он воздерживается от вывода там, где показания древних сталкиваются с свидетельством очевидцев, а кроме того, он весьма часто сопровождает их замечаниями в роде следующих: «я этому не верю», «я считаю это невозможным», «это, по моему, басня», «я нахожу это смешным» и. т. п. Точно так же преклонение перед древностью не убило в Боккаччо интереса к средневековой истории и к современной жизни. Описывая гору, реку и. т. п., он имеет обыкновение сообщать связанные с ними исторические воспоминания, при чем на ряду с событиями из древнего мира упоминает об Альбоине, о борьбе Гогенштауфенов с Анжуйским домом, указывает святыни средневековой церкви и сообщает иногда связанные с ними легенды. Так же мало вяжется с исключительным и слепым почитанием античного мира живой интерес к современной действительности, столь характерной для начинающейся новой эпохи. На ряду с древними названиями Боккаччо приводит и современные, извиняясь, что не может сделать этого всякий раз. Кроме того, он с особенным вниманием останавливается на современном состоянии описываемых им предметов и сравнивает его с тем, в котором они находились в древнее время при чем совершенно неожиданно в географическом сочинении Боккаччо сообщает читателям свои политические симпатии. Гражданин могущественной континентальной республики не любит владычицы морей Венеции и упрекает ее жителей в хитрости и надменности.

Оправдываясь в конце книги перед читателем в возможных пропусках и ошибках, Боккаччо подробно описывает тогдашнее состояние рукописей, для исправления которых нужны «божественные» способности. Тон этого описания дает ясное представление о том, почему так высоко ценились заслуги лиц, посвящавших себя исправлению текста, и почему именно с этого начали флорентийские последователи первых гуманистов.

Научные работы Боккаччо подверглись в новое время более тщательному изучению, чем то, какое выпало на долю аналогичным произведениям Петрарки. Еще в 1874 году *Шюк* в цитированной выше статье определил некоторые источники Боккаччо в его исторических сочинениях. За тем последовали детальные работы Гортиса, которые он объединил в огромной книге о всех латинских произведениях автора Декамерона. Кроме обстоятельного разбора отдельных сочинений, Гортис дал здесь большую главу об источниках Боккаччо и библиографический указатель его изданий и переводов. Со стороны обстоятельности книга не оставляет желать ничего лучшего, но ей недостает систематических выводов, которые вполне формулировали бы историческое значение Боккаччо.

